

О ПРЕЗУМПТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ В СОВРЕМЕННОМ СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ

(анализ синтаксической реинтерпретации)

В настоящей работе поднимается вопрос о существовании в современном сербском языке презумптивных конструкций, под которыми подразумевается особый тип высказываний с глаголом *бити* в форме 3 л. ед.ч. будущего времени (футурума I) с факультативной частицей *да* и глагольной формой перфекта/презенса (*биће/ће бити (да) + перфект/презенс*), нпр.: *биће да сам погрешио*; *биће да сте промашили број*; *биће да смо закаснили*; *биће да су га тражили на погрешном месту*; *биће да њега интересује само територија*; *биће да је од алкохола*; *биће да сте уморни* и т.п. Главная задача настоящего исследования состоит в том, чтобы установить насколько формализованы подобные конструкции в сербском языке, являются ли они модальными вследствие наличия в них модально употребленных глагольных форм футурума I или перфекта, как утверждают сербские грамматисты, или же речь идет о синтаксической реинтерпретации архаической глагольной формы, обозначающей гипотетические ситуации. Примеры из сербского языка рассматриваются также в типологическом аспекте, на фоне аналогичных явлений в болгарском и романских языках. Данный тип конструкций до сих пор не составлял предмет особых описаний в сербистике с точки зрения их презумптивной семантики.

Ключевые слова: презумптив, сербский язык, синтаксическая реинтерпретация.

This paper raises the question of the existence of presumptive constructions in the contemporary Serbian language, which implies a special type of statements with a verb *бити* in the form of 3rd person singular of the future tense (futurum I) with optional particle *да* and present or perfect verb form (*биће/ће бити (да) + perfect/present*), нпр.: *биће да сам погрешио*; *биће да сте промашили број*; *биће да смо закаснили*; *биће да су га тражили на погрешном месту*; *биће да њега интересује само територија*; *биће да је од алкохола*; *биће да сте уморни*, etc.) The main task of this study is to find out how formalised such constructions are in the Serbian language, whether they are modal due to the presence of modally used verb forms of the futurum I or perfect, as Serbian grammarians claim, or it is a syntactic reinterpretation of an archaic verb form denoting hypothetical situations. Examples from the Serbian language are also considered in a typological aspect, in the context of similar phenomena in Bulgarian and the Romance languages. This type of constructions has not yet been the subject of special descriptions in Serbian studies from the point of view of their presumptive semantics.

Keywords: presumptive, Serbian language, syntactic reinterpretation.

1.0 Комплекс инференциальной эвиденциальности и эпистемической модальности

Вклад академика Предрага Пипера в исследование модальных категорий сербского языка глубокий и основательный. Изучению грамматических и лек-

сических средств выражения модальности посвящены некоторые его работы, такие как „Синонимије и конверзије с глаголом *морати*” (1983), „О оптативности у српском језику” (2007), а также основательный раздел в коллективном синтаксисе сербского языка (Пипер и др. 2005: 636–648), в котором определены теоретические предпосылки феномена модальности. В упомянутом разделе П. Пипер исходит из определения двух основных типов модальности, которые можно дополнительно классифицировать на низшем уровне. Такими двумя типами модальности, в типологии П. Пипера, являются объективная модальность или модальность в узком смысле (объективная или асертивная модальность) и модальность в широком смысле (субъективная). Понятие объективной и субъективной модальности само по себе не ново (см.: Halliday 1970; Lyons 1977; Rathay 1979; Palmer 1979, 1986), однако П. Пипер интерпретирует данные типы несколько другим образом от своих предшественников. В рамках объективной модальности П. Пипер выделяет понятия модальной определенности и неопределенности. В модально определенных предложениях содержание пропозиции представлено как реальное (нпр. *Студент је положио испит*), тогда как в модально неопределенных содержание пропозиции представлено как *модально нейтральное в плане реальности/ирреальности высказывания* (Пипер 2005: 636). В качестве объективной модальности П. Пипер рассматривает деонтическую и оптативную, тогда как в субъективную входят такие виды, как эпистемическая, имперцептивная, метаязыковая, аксиологическая и экспрессивная модальность. К категориальному комплексу модальности, наряду с объективной и субъективной, отнесены и другие сродные категориальные значения (императивность, интеррогативность, апеллятивность и др.) (Пипер 2005: 578).

Исследование показателей инференциальности в сербистике, если не принимать во внимание упоминание данного типа эвиденциальности в некоторых исследованиях, посвященных проблемам эпистемической модальности (Trbojević-Milošević 2004), началось с публикации работ по изучению эвиденциальности в сербском языке (Поповић 2010, 2013, 2014; Попович 2015).¹ В частности, в работе (Поповић 2010), со ссылкой на предыдущие исследования А. Айхенвальд и Б. Вимера (Aikhenvald 2004: 65; Wiemer 2006: 9), дано определение инференциальной модальности, под которой подразумевается передача информации о ситуации, являющейся заключением говорящего на основании наблюдения косвенных симптомов ситуации. Если использовать терминологию А. Айхенвальд, речь идет о высказываниях, в которых задействованы перцептивные эвиденциальные маркеры (*perception-based inferences*) (Aikhenvald 2004: 65).

В ходе заключения говорящий может использовать не только данные, полученные в результате восприятия ситуации, но и свой личный опыт, знание о мире, т.е. весь арсенал информации о конкретном положении дел, которым он располагает. В таком случае эвиденциальные маркеры могут рассматриваться в качестве логических выводов (*reasoning-based assumptions*) (Aikhenvald 2004: 65).

¹ Данным работам предшествовало появление работ, посвященных описанию категории имперцептивности в сербском языке (Поповић 1996, 2000; Пипер и др. 2005), в которых показатели эвиденциальности рассматривались в комплексе с эпистемическими.

Заключительные эвиденциальные маркеры непосредственно связаны с показателями эпистемической модальности. Чем больше у говорящего информации о типичных событиях, ситуациях или поведении, тем больше в его высказывании уверенности в (не)возможности совпадения предполагаемой ситуации с реальным миром. Если использовать терминологию из теории эпистемического дейксиса (Frawley 1992), эпистемическая дистанция мыслящего субъекта относительно описываемой ситуации обратно пропорциональна количеству информации о симптомах этой ситуации и знаниям о мире, исходя из которых делается заключение.

В качестве эпистемических показателей в славянских языках преимущественно используются лексические маркеры, но встречаются также соответствующие грамматикализованные конструкции или морфологические формы, такие как, например, конклюдив или дубитатив в болгарском языке (см.: Куцаров 2007: 297–304; Ницолова 2018: 319, 352–360, 370–375).

Инференциальная эвиденциальность в сербистике рассматривалась также в плане таксисной соотнесенности времени ситуации и времени сообщения, основанного на заключении о ней. В связи с этим выделены два возможных варианта: а) когда время ситуации tS совпадает со временем сообщения и заключения о событии tS' ($tS = tS' = tS''$),² напр.: *Из кухни вкусно пахнет, наверное мама печет пирожки*; б) когда ситуация tS , о которой сообщает говорящий, предшествует заключению о ней, то есть ситуация принадлежит временному плану прошлого, а заключение и сообщение, основанное на нем, плану настоящего ($tS < tS' = tS''$): *Я вижу, ты плохо спал (у тебя мешки под глазами)* (Поповић 2010: 23).

В цитируемом исследовании, однако, не принят в учет третий возможный вариант, когда ситуация соотносима с планом настоящего или произошла в прошлом, а логическое заключение tS' о ней имеет референцию к будущему. В подобных высказываниях время сообщения tS'' следует после события, однако как бы предшествует времени заключения о случившемся ($tS < tS'' < tS'$). Такие „негармоничные высказывания” являются предметом данного исследования. В лингвистической типологии они известны под именем презумптивные, в сербском же языке традиционно рассматриваются в качестве модальных употреблений определенных временных форм – перфекта (Стевановић 1974: 630–631) или футурума глагола *бити* (Стевановић 1974: 677; Trbojević-Milošević 2004: 142–143). В упомянутых описаниях такие конструкции представлены примерами типа:

„Буће пао снег = Вероватно је, ја претпостављам да је пао снег па и Бојим се да није пао снег” (Стевановић 1974: 631).

„Буће дошао = Ја претпостављам (или надам се) да је дошао” (Стевановић 1974: 631).

„Неко звони! Буће (да је) твоја мама” (Trbojević-Milošević 2004: 142).

„Што ти се не јавља? – Буће (да је) отишао” (Trbojević-Milošević 2004: 142).

² Использованы следующие условные обозначения: t – время; S – ситуация; tS – время ситуации; tS' – время заключения о ситуации; tS'' – время сообщения о ситуации; $<$ – следует во времени; $=$ – одновременно.

Приведенные примеры содержат показатели эпистемической модальности (выражение большей или меньшей степени уверенности относительно того, что ситуация имела место) и заключительной эвиденциальности, так как вывод, сделанный говорящим, является заключением, сделанным на основании косвенных признаков ситуации и знаний о мире, т.е. речь идет не только об инференциальной, но и о презумптивной эвиденциальности.³

Главная задача настоящего исследования состоит в том, чтобы установить насколько формализованы подобные конструкции в сербском языке, являются ли они модальными вследствие наличия в них модальных употреблений временных форм усеченного перфекта и футурума I, как указано в грамматиках сербского языка (Стевановић 1974: 630–631; Танасић 2005: 442; Пипер, Клајн 2013: 404), или же речь идет о синтаксической реинтерпретации особого гипотетического будущего, имеющего аналоги в других славянских и неславянских языках. В ходе анализа будет также установлено, в каком отношении в таких конструкциях состоят семантические показатели эпистемической модальности и заключительной (презумптивной) эвиденциальности.

В процессе анализа будут использованы примеры из всех функциональных стилей современного сербского языка, а также некоторые устаревшие конструкции, описанные в сербских и хорватских грамматиках. Для полноты исследования будут частично представлены аналогичные конструкции в других славянских и неславянских языках.

1.1 Презумптив и его описание в неславянских и славянских языках

Презумптив как тип модальной категории предполагает соотносительность ситуации, имевшей место в настоящем или прошлом, с возможностью подтвердить ее, с меньшей или большей степенью уверенности, в будущем. Речь идет о показателях особой эвиденциальности – когда говорящий судит о ситуации, исходя из наличных знаний и соображений логического характера, а также об эпистемической оценке вероятности сообщаемого. Презумптив, таким образом, является значением, возникающим на пересечении семантических зон эвиденциальности и эпистемической модальности (Van der Auwera, Plungian 1998; Плунгян 2011), «независимо от того, что выходит на первый план – оценка говорящим вероятности события или ‘апелляция к логическому выводу как ис-

³ Согласно И. А. Мельчуку, инферентивы и презумптивы являются граммемами категории эвиденциальности. Разница между ними состоит в том, что инферентив употребляется, когда говорящий приходит «к заключению относительно F^n на основании воспринятых им фактов, связанных с F^n (\approx ‘по видимому’)), а презумптив – когда «говорящий предполагает, что F^n имеет место (опираясь на свои наличные знания и т.п.)» (Мельчук 1998: 199). В интерпретации В. А. Плунгяна, общим для инферентивов и презумптивов является косвенная информация, исходя из которой делается вывод, а различия заключаются в том, что, используя инферентивы, говорящий судит о ситуации на основании того, что он считает ее результатом, в то время как при использовании презумптивов опирается не на конкретные симптомы ситуации, а на логические соображения (Плунгян 2011: 324). Другие исследователи считают отличием инферентивных и презумптивных стратегий противопоставленность косвенных признаков ситуации, наблюдаемых говорящим, в первом случае, и знаний о мире – во втором (Пенькова 2019: 13).

точнику информации’, – оба компонента, эпистемический и эвиденциальный, неизменно присутствуют» (Пенькова 2019: 13).

Перенесение значения глагольной формы будущего в план прошедшего с одновременным приданием ей модального оттенка предположительности, т.е. модально-временная транспозиция, как известно, представляет типологическую черту романских языков (Репина 1996). Как показывают типологические исследования последних лет, данное значение также типично для расширенных функций предбудущего времени во многих языках мира (см. обзор данного вопроса в Пенькова 2019).

В богатом эвиденциальными маркерами болгарском языке некоторые исследователи выделяют особую парадигму презумптивного наклонения (Герджиков 1984: 121–153).

Если сравнить маркеры презумптивности в упомянутых языках, то можно заметить четкую градацию – от морфологического выражения презумптивности с помощью форм, у которых нет других функций кроме данной (случай румынского языка), через аналитическую форму, презумптивное значение которой является результатом синтаксической реинтерпретации, как в болгарском языке, до особенности некоторых временных форм (нпр. *futur antérieur* в французском языке) относить обозначаемое действие к плану прошлого, придавая высказыванию модальный оттенок предположения.

О наличии особой формы, у которой нет других значений, кроме презумптивного, в румынском языке свидетельствуют многочисленные работы по исследованию данного вопроса (Iordan: 1956: 433; Лухт 1970: 128; Avram 1986: 162; Репина 1996: 95; Manea 2005: 373 и др.). Исследователи указывают, что в качестве предположительной формы в румынском языке возникла и широко употребляется специальная, не имеющая других значений, аналитическая глагольная форма настоящего времени. В основе парадигмы презумптива, по мнению ученых, лежит видовая оппозиция, которая получает выражение в чередовании противоположных по грамматическому значению неличных форм глагола – герундия (незавершенность) и причастия (завершенность): *o fi plecând/o fi plecat* „он (она, они), наверное, уезжает (уезжают) / ~, наверное, уехал (уехали)” (Репина: 1996, 95).

В западнороманских языках презумптивные значения передают другие темпоральные и модальные формы, то есть речь идет о транспозиции значения глагольных форм из временного плана в модальный план предположительного высказывания, основанного на логическом выводе. Как указано в сравнительном описании романских языков, глагольные формы, которым в системах западнороманских языков отведена роль грамматических выразителей значения предположительности, аналогичны – это формы *будущего времени индикатива* и *формы кондиционала* (Репина 1996: 95):

фр. *Vous cherchez Pierre? Il sera dans le jardin (=il y est probablement).*

‘Ищете Пьера? Он вероятно в саду.’

ит. *Perche non e venuto? Avrà perso il treno.*

‘Почему он не пришел? Он, должно быть, опоздал на поезд.’

исп. — ¿*Que hora es?* — *Seran las cinco.*

‘Который сейчас час? — Должно быть, пять часов.’

порт. *Ao longe, os faróis de um carro riscaram de luz o lusco-frusco.* «*Seria a camioneta?*»

‘Вдалеке свет фар автомобиля прорезал сумерки. «Может быть, это фургон?».’

Во всех приведенных примерах при помощи выделенных жирным шрифтом форм передается модальное значение предположения. «Презумптивное значение у всех этих форм – значение второго плана. Мы имеем дело с транспозицией (переносом) глагольных форм из временного и модального плана их основных значений в другой временной и модальный план» (Репина 1996: 95).

Как утверждает Я. А. Пенькова (2019), в французском языке временной формой, объединяющей в себе показатели референции к будущему и такси-са (предшествования) и имеющая базовое значение предшествования моменту референции в будущем, является предбудущее (*futur antérieur*). Ссылаясь на обстоятельные анализы употреблений предбудущего в типологическом аспекте, исследовательница считает, что такое значение данной временной формы логично, так как «помимо значения результативности/предшествования в будущем, предбудущее легко приобретает вторичные значения и дискурсивные функции, спектр которых при ближайшем рассмотрении оказывается довольно широким и безусловно заслуживает отдельного исследования. В грамматических описаниях, упоминающих предбудущее, как правило, помимо базового значения ‘результативности/предшествования/завершенности в будущем’, у форм предбудущего отмечается способность называть ситуации, относящиеся к плану прошлого, т. е. выделяется значение ‘предположения о событии в прошлом’»⁴ (Пенькова 2019: 8).

В болгарском языке в качестве презумптивной рассматривается конструкция, напоминающая формы некоторых будущих времен. Частица *ще* (чаще в сочетании с *да*) выражает заключение, соотносимое, однако, не с будущим, а с настоящим или прошлым, напр. (Иванова, Алексова 2018):

Не ще да са го пратили от добро да работи (Н. Островский, пер. Л. Стоянов).

‘Не с добра, видно, [его] послали работать-то’.

Подвергая анализу презумптив в болгарском языке, также именуемый в литературе предположительным наклонением (Маровска 2013: 302), исследователи чаще всего ссылаются на концепцию Г. Герджикова (Герджиков 1984, с. 121–253), который выделяет парадигму презумптивных форм: настоящего времени – *ще (да) чете*, перфекта – *ще (да) е чел*, аориста – *ще (да) е чел*, имперфекта – *ще (да) е четял*, плюсквамперфекта – *ще (да) е бил чел*. Герджиков считает, что

⁴ В подтверждение сказанного исследовательница приводит следующий пример, со ссылкой на работу Шишовой (Шишова 2014: 60):

Certains l’auront [иметь. AUX.FUT.3PL] peut-être trouvé [находить. PTCP] long <...> mais pour ma part, je n’ai pas vu le temps passer.

‘Возможно, некоторые нашли его [фильм] довольно длинным <...>, но лично я не заметил, как время прошло.’ (Пенькова 2019: 8).

данные формы не являются граммемами категории наклонения, так как независимы от категории модуса высказывания. По мнению ученого, подобно модусу, презумптив дает оценку достоверности высказывания, однако речь идет об оценке оценки, поэтому Герджиков зачисляет презумптивные формы к вероятностным модусным высказываниям, своеобразной гиперкатегории глагольного модуса третьей степени. Исследователь отрицает, что презумптивная семантика данной конструкции основана на одном из модальных значений глагола *хотѣти*, от которой образовалась частица *ще*, и настаивает на модальной реинтерпретации семантики будущего⁵ (Герджиков 1984: 127–128). Ученый также отмечает низкую частотность данных конструкций за последние 50–60 лет (Герджиков 1984: 153).

Совпадение между формами перфекта и аориста в выделенной презумптивной парадигме Г. Герджиков объясняет следствием омонимии изъявительного перфекта и умозаключительного аориста. И. Куцаров, однако, оспаривает наличие форм аориста, имперфекта и плюсквамперфекта в данной парадигме и утверждает, что речь идет об искусственных коррелятах существующих форм презенса и перфекта (Куцаров 2007: 274).

Наши наблюдения над примерами с презумптивными болгарскими конструкциями подтверждают данное замечание И. Куцарова. Приводимые исследователями примеры в работах, посвященных анализу презумптивных конструкций в болгарском языке (Иванова, Алексова 2018), содержат преимущественно презумптивные конструкции с формами настоящего времени и перфекта, а также некоторые с плюсквамперфектом (Алексова 2018):

Така ще да е – потвърди попът, – додето се записвах с причастието, някой ги е взел (Иванова, Алексова 2018/И. Вазов).

‘Должно быть, так, – согласился отец Никодим. – Пока я причащал верующих, кто-то стянул мои вещи’ (пер. В. Володин).

Сега – казах аз, като се стараех да задържа усмивката върху лицето си (каква ли ще да е била тая усмивка, един дявол знае!) (Иванова, Алексова 2018/А. Гуляшки).

‘Сейчас, – сказал я, стараясь удержать на своем лице улыбку (что это была за улыбка, один дьявол знает!)’ (пер. Л. Баш).

При всички случаи Борис вече е бил татко на две деца, което ще рече, че най-малкото ще да е бил влязъл в плодотворна възраст, докато младежкият мъх е сред вторичните полови белези. (Алексова 2018/ Средновековна история)

‘В любом случае Борис уже был отцом двоих детей, а стало быть, худо-бедно вошел в детородный возраст, а лобковое оволосение входит в число вторичных половых признаков.’

Факт отсутствия в болгарском языке примеров с другими временными формами, кроме презенса и перфекта, отмечает также Руселина Ницолова, что склоняет ее к мнению, высказанному и другими болгарскими лингвистами, об отсутствии

⁵ «Презумптивного значение не трябва да се извежда от модалното значение на *хотѣти*, а от темпоралното значение на бъдеще време [...], означаващо още нереализирано, макар и проблематично действие...» (Герджиков 1984: 128).

граммем презумптива в болгарском языке. Р. Ницолова неоднократно высказывает замечание о том, что формы презумптива не утвердились, почти исчезли из болгарского языка, подобно синтетическому условному наклонению (*ядвам, ядвах*) (Ницолова 2008: 329–330), и лишь частично грамматикализированы, так как полной грамматикализации данного наклонения препятствовало наличие соответствующих лексических маркеров инференциальной модальности (Ницолова 2018: 105).

И. Куцаров, полностью отказывает в грамматикализации болгарскому презумптиву, рассматривая данную конструкцию в качестве идентичной по значению с сочетанием *трябва да*, что, по мнению ученого, свидетельствует о лексическом характере данного модального средства, которое он характеризует как лексический конклюдзивный модификатор (*лексикален конклюдзивен модификатор*) (Куцаров 1994: 201–205).

1.2 Конструкция *биће/ће бити (да) + перфект/презенс* в сербском языке

Высказывание с конструкцией *биће/ће бити (да) + перфект/презенс* в сербском языке состоит из ассумптивной и асертивной частей. В ассумптивной части, с помощью глагола *бити* в форме 3 л. ед. ч. футурума I, делается предположение о ситуации в прошлом или настоящем, представленной в асертивной части высказывания. Предположение, по мнению говорящего, может или должно, с разной степенью вероятности, подтвердиться в будущем. В ходе дальнейшего изложения будет предпринята попытка доказать, что, ввиду такой семантической интерпретации и некоторых морфологических показателей, конструкцию *биће/ће бити (да) + перфект/презенс* можем рассматривать в качестве бипропозитивной конструкции, возникшей вследствие синтаксической реинтерпретации монопропозитивной с особым гипотетическим будущим.

Описываемые конструкции достаточно распространены в современном сербском языке, что подтверждают многочисленные примеры из художественной литературы, научного дискурса, современной прессы и разговорной речи.⁶ Асертивная часть данной конструкции может быть представлена глагольными формами перфекта и презенса полнозначных или вспомогательных глаголов, напр.:

биће/ће бити да + перфект

Сматрао је, свакако, да је науци потребан потпун преглед свих речи у језику, а биће да је имао и склоности за ову врсту несташлука (П. Ивић); *Његов поглед као да хтеде рећи: »ама вараи се ти, биће да је то који други штогод погоришио; а видиш, ја седим миран ка светац«* (С. Ранковић); *Биће да смо закаснили и то дебело и мнооого ми је жао* (<https://www.021.rs/story>); *Биће да сам се опет прејела* (<https://twitter.com>); *Али ако заменимо власуље, ти узмеш црвену а онај мртви добије твоју плаву, онда ће бити да су плави гроф и Вук Исаковић страдали од вампира на другој стражи* (М. Novaković).

⁶ Большинство примеров взято из корпуса *Антологија српске књижевности* Учительского факультета в Белграде (http://www.antologijasrpskeknjizevnosti.rs/ASK_SR_AzbucnikDela.aspx), а также из Параллельного электронного корпуса сербского и русского языка, который находится в процессе подготовки. Автор статьи искренне благодарит коллегу Стефана Милошевича за помощь в подборке примеров из указанных корпусов.

Формы перфекта образуются от глаголов обоих видов, в то время как в презенсе встречаются только глаголы несовершенного вида:

биће/ће бити да + презенс

Извесно! А биће да господин Поповић то већ и зна, чим није дошао у канцеларију (Б. Нушић); Припитај ти прија-Сарку, биће да она најбоље зна како се обрлађавају мушкарци и жене (Б. Нушић); Богме биће да одступају наши, тутњава се приближава с турске стране нашој – рече један војник (П. Тодоровић); Пре ће бити да немате духа! (М. Novaković); Биће да се, већ само далеки преци засути прамањем времена, и он и његови савременици понекад чине, оку новог доба, као једноставни људи којима није било тешко да себи не признају зебњу од живота (С. Велмар-Јанковић).

Ассертивная часть конструкции *биће/ће бити (да) + перфект/презенс* может быть также выражена именным сказуемым, при этом вспомогательный глагол может быть представлен контекстуальным нулем, напр.:

Покварен ми сат, па не знам колико је било, ал' биће да је било пет, пола шест (Б. Нушић); Нека је далеко од нас, ал' биће да су то неки духови (Б. Нушић); Биће да је овде у питању Јелена, ћерка Франческа Гатилузија и жена Стефана Лазаревића, чије је монашко име било Еуфросина, односно понародњено Јевросима (И. Ђурић); Министар Вулин је одговорио Курту Волкеру: Биће да су опаснији пријатељи који су нас бомбардовали (pink.rs. 12.05.2022) Ја сам мислио да је то само код нас у медицини тако: поплашили се коњи, случајно; два човека с напуклим лубањама, стриктно стварна последица... али биће да је уопште тако... да, да, узрок случајност, последица стварност... (И. Секулић); Биће да сте уморни, гладни и жедни (Ј. Шаренац); Неко звони на врата! – Биће (да је) твоја мама (Trbojević-Milošević 2004: 142); Неко је оставио цедуљу на вратима! – Биће (да је била) твоја мама (там же).

В отрицательных конструкциях формальный показатель отрицания может находиться как перед футурумом глагола *бити (неће бити да сам)*, так и перед глагольной формой во второй части конструкции (*биће да нисам*), однако в обоих случаях отрицанию подвергается ассертивная часть, ср.:

Неће бити да је тако.

= 'Должно быть, это не так.'

Биће да није тако.

Для сравнения приводим также более развитые конструкции:

Неће бити да су све кладе на путу ка европским интеграцијама поставили Томислав Николић и Војислав Коштуница (Vreme, 9.04.2008).

Биће да нису све кладе на путу ка европским интеграцијама поставили Томислав Николић и Војислав Коштуница.

‘Должно быть, не только Томислав Николич и Воислав Коштуница прокладывали пути к европейским интеграциям.’

Биће да није ни сасвим здрава, болесни јој и отац и мајка... али и окром тога, кад почне севати оним летим очицама, бежи! (И. Секулић).

***Неће бити** да је сасвим здрава, болесни јој и отац и мајка... али и окром тога, кад почне севати оним лепим очицама, бежи!*

‘Должно быть, она не совсем здорова, отец и мать ее больны... но, не взирая на это, когда она начинает пускать чертики своими прекрасными глазами, спасайся!’

Хотя в приведенных примерах в обоих случаях предполагается, что описанная в ассертивной части высказывания ситуация не имела место в действительности, разница между высказываниями с отрицанием в ассумптивной и ассертивной частях состоит в том, что в первом случае говорящий противопоставляет свое мнение мнению другого участника коммуникативной ситуации – реального или мнимого, с которым не соглашается, а во втором высказывает свое предположение о том, что ситуация – не факт,⁷ ср.:

*„Не тако давно био сам катастрофа. **Неће бити** да сам катастрофа, а да онда одједном проживљавам своје најбоље тренутке...”, рекао је Меси за Канал плус. (N1, 19.03.2015)*

‘«Не так давно [по мнению журналистов] я был катастрофой. Как я мог быть катастрофой [букв. не будет, что я катастрофа], а потом вдруг снова переживать свои лучшие моменты?...» — сказал Месси в интервью Каналу плус.’

В данном отношении конструкция *неће бити (да)* + перфект/презенс четко отличается от составных глагольных сказуемых с недезидеративно употребленным модальным глаголом *мора*, отрицание перед которым в принципе невозможно (см. об этом также дальше):

***Биће** да се напио. ≈ **Мора** да се напио.*

‘Он, должно быть, напился.’

***Биће** да се није напио. ≈ **Мора** да се није напио.*

***Неће бити** да се напио. ***Не мора** да се напио.*

Конструкция *биће (да)* + перфект/презенс может находиться в начале простого или сложного предложения, либо в начале части сложносочиненного предложения с противительными отношениями, а также маркировать начало главной части в сложноподчиненном предложении с условными отношениями:

⁷ Как отмечено в «Нормативной грамматике сербского языка», отрицанием глагола *бити* в форме 3.л.ед.ч. высказывается «недоверие или сомнение говорящего относительно того, что сказал его собеседник или некое третье лицо, напр.: (221) *Не знам о чему говориш. – **Неће бити** (да не знаш); (222) *Све смо завршили. **Неће бити** (да сте све завршили)*» (Пипер, Клајн 2013: 404). С. Танасић, однако, считает, что при отрицании говорящий высказывает свою уверенность, напр.: *Па да видиш и **неће бити** баш тако – дочека га комесар. – Чујеш ли како се читава чета ућутала?* (Танасић 2015: 442/ Б. Чопић), тогда как в аффирмативных конструкциях выражается предположение говорящего, напр. *Јамачно **ће бити** више оваквих примјера.* (Стевановић 1974/ Вук); *Прије **ће бити** истина да је Балишић узео* (Стевановић 1974/Б. Даничић) (Танасић 2005: 442). Склоняемся к мнению о том, что в обоих типах конструкций речь идет об ассумптивной модальности, только при отрицании налицо прагматический эффект «девалоризации» (по Рахилина et.al. 2021) предыдущего высказывания.*

*Ја сам мислио да је то само код нас у медицини тако: поплашили се коњи, случајно; два човека с напуклим лубањама, стриктно стварна последица... али **биће да је** уопште тако... да, да, узрок случајност, последица стварност... (И. Секулић); Ако није хороскоп, **биће да сам** добро **зрпјешио** у претходном животу (Analitika, 20.01.2022).*

Перед аналитической формой футурума *И ће бити* обязательно должно находиться вводное слово (*пре, онда* и под.). Высказывание типа *пре ће бити (да)* + переменная в современном сербском языке имеет статус синтаксического фразеологизма с переменной в форме перфекта либо презенса,⁸ чем объясняется высокий уровень его частотности в разговорной речи:

*Пре ће бити да прича **посмаје** сумњива* (<https://twitter.com/bjovan3/status>).

‘История, по всей вероятности, становится подозрительной.’

Пре ће бити да је Јоги, а не јети (RTS, 17.10.2013).

‘Должно быть, Ёги, а не ети.’

Пре ће бити да су неки плаћеници клошари (021, 21.07.2022).

‘Скорее, какие-то наемники – бомжи.’

Приведенные в данном разделе примеры свидетельствуют, в частности, о том, что конструкция *биће/ће бити (да)* + перфект/презенс активно употребляется во всех функциональных регистрах сербского языка. Ее презумптивная семантика – указание на ситуацию в настоящем или прошлом, с возможностью подтвердить ее с меньшей или большей степенью уверенности в будущем – налицо. Невзирая на частотность данной конструкции в современном сербском языке, она до сих пор не привлекала особого внимания сербских исследователей, в том числе с точки зрения презумптивности.

1.3 *Биће (да)* – частица или глагольная форма?

Немного по-другому обстоит дело с типологическими исследованиями. В работе, посвященной анализу употребления форм предбудущего времени с инференциальными и презумптивными стратегиями в балканских и других языках А. Пенькова бегло замечает, что сербская конструкция типа *биће да* + перфект/презенс похожа на соответствующие болгарские конструкции со словосочетанием *ще да*. Исследовательница высказывает по данному поводу мнение, что речь идет о большей или меньшей степени грамматикализации предбудущего в балканских языках – румынском, албанском, болгарском, а также приводит некоторые примеры из греческого. О сербской конструкции А. Пенькова пишет: «Конструкции с несогласованным *биће*, подобные болгарскому презумптиву, в сербохорватском, по-видимому, представляют собой дальнейший этап развития такого предбудущего, утратившего референцию к будущему, при котором произошла реинтерпретация: сочетание вспомогательного глагола с причастием пе-

⁸ О синтаксических фразеологизмах в современном сербском языке см.: Поповић 2021; Поповић 2022 (в печати).

реосмыслено как сочетание модальной частицы с формой перфекта – очевидно, не без влияния аналогичных неизменяемых эпистемических показателей в других балканских языках» (Пенькова 2019: 17).

А. Пенькова, таким образом, считает, что конструкция *bihe da* является результатом реинтерпретации предбудущего, для которого, по данным ее анкеты, является типичным указание на эпистемическую дистанцию и инферентивную эвиденциальность во многих языках, в частности, в балканских. Высказанное предположение А. Пенькова подтверждает двумя примерами с данной формой, один из которых из штокавского наречья 18 века:

Biheće [быть.fut.2pl⁹] **razumjeli** [ptcp] како се догодила и била кавга у Рисну.

‘Наверное, вы поняли, как произошел спор в Рисане’ [Пенькова 2018: 17/Комар 2009: 129]

а другой из чакавского наречья:

Bićemo [быть.fut.1pl] **spuali** [спать.ptcp] ka si ti doša.

‘Мы [наверное] спали, когда ты пришел’ [Пенькова 2018: 17]

В сербских грамматиках примеры с конструкцией *bihe/he бити (да) + перфект* рассматриваются либо в контексте модального употребления перфекта (Стевановић 1974: 630–631), либо при описании модального употребления футурума I глагола *бити* Стевановић 677; Trbojević-Milošević 2004: 142–143; Пипер, Клајн 2013: 404).¹⁰

О модальном употреблении глагола *бити* в форме футурума I И. Трбоевич-Милошевич замечает, ссылаясь на конструированные примеры, что он используется в одном из значений глагола *морати* (Trbojević-Milošević 2004: 143). По мнению исследовательницы, формой футурума глагола *bihe* осуществляется референция не к будущему, а к настоящему, в котором говорящий сообщает мнение об истинности пропозиции, которая может быть соотносима с настоящим или прошлым. В качестве объяснения модального характера данного глагола И.Трбоевич-Милошевич прибегает к теории метафорической экстензии: «Если воспользоваться парафразированием с использованием теории метафорической экстензии, *морати* метафорически интерпретируем таким образом, что наши предпосылки и доступные нам доказательства заставляют нас сделать определенный вывод, в то время как в случае формы *bihe* недостаточно

⁹ В цитируемой работе используются следующие условные обозначения: fut – футурум; pl множественное число; ptcp – партицип.

¹⁰ Глагол *бити* неоднократно рассматривался сербскими лингвистами в контексте его модальных употреблений в разных лично-временных формах. О модальных функциях данного глагола в форме настоящего времени, сочетающейся с инфинитивом или конструкцией *да + презенс* (типа *с тим се није шалити, да је мени знати, на нама је да одлучимо, ако је веровати* и др.), см. обстоятельное исследование М. Ковачевича (Ковачевић 2018). Анализ общеславянского контекста несколько устаревших и распространенных в диалектах сербского языка конструкций с формой согласованного и несогласованного усеченного перфекта глагола *бити* и инфинитивом (типа *био поћи на време, била гледати како треба, било устати раније* и под.) дан в работах Л. Попович (Поповић 2020; Попович 2021).

доказательств, чтобы сделать логический вывод, однако существуют предпосылки, которые нам не дают сделать вывод» (Trbojević-Milošević 2004: 143). Исследовательница также сравнивает глагольную форму *биће* с глаголом *will* в английском языке, который используется с функцией выражения будущего времени и эпистемической дистанции и расположен на шкале эпистемической интенсивности сразу же после глагола *must*, подобно форме *биће* в сербском языке, следующей на упомянутой шкале сразу же после *мора* (там же).

Рассматривая конструкции с модальными глаголами *морати* и *требати*, которые используются вне деонтических контекстов для выражения нежелательного эпистемического значения, названного П. Пипером *псевдоаподиктическим* или *персуазивно-аподиктическим* (Пипер 1983), И. Трбоевич-Милошевич отмечает, что данное название очень метко подчеркивает переход модального глагола из аподиктической сферы в сферу реализации эпистемической стратегии, ср.:

Наши морају победити јер су изразито бољи (Пипер 1983: 168).

‘Наши должны победить, так как намного лучше играют’.

Мора да су победили јер су изразито бољи.

‘Наверное, они победили, так как намного лучше играют’.

Во втором примере глагол *морати* употребляется исключительно в безличной форме и обязательно предшествует *да*-клаузе.¹¹ Как отмечает И. Трбоевич-Милошевич (Trbojević-Milošević 2004: 157), дальнейшему возрастанию эпистемической дистанции или степени расхождения между пропозицией и референтным миром способствует употребление модального глагола в форме потенциала:

Морали би победити јер су изразито бољи.

‘Должны бы победить, так как намного лучше играют’.

Подобные безличные конструкции встречаются и с глаголом *требати*, ср.:

Треба да стигну сваког часа (Trbojević-Milošević 2004: 162).

‘Они должны приехать с минуты на минуту’.

Требало би да стигну сваког часа (Там же).

‘Они должны бы приехать с минуты на минуту’.

Сербские конструкции *мора да* и *треба да* напоминают болгарскую конструкцию *трябва да*, которую Куцаров рассматривает в качестве доказательства тезиса о лексическом характере «модального модификатора» *ще да* в болгарском языке (Куцаров 1994: 201–205).

Однако, как уже было раньше отмечено, в сербском языке данные модальные глаголы (*морати*, *требати*) при их употреблении в эпистемическом значении нельзя подвергнуть отрицанию, чем они отличаются от конструкции *ће бити (да)* + перфект/презенс, которая отрицанию подлежит, ср.:

¹¹ По мнению других исследователей, *мора* в данном типе конструкции является не глаголом, а вводной модальной частицей, так как у этой формы отсутствует лично-временная парадигма, ее нельзя употребить с отрицанием и она не входит в состав составного глагольного сказуемого (Ковачевић 2009: 161–173).

Неће бити да су победили.

*Не мора да су победили.

*Не треба да су победили.

О том, что примеры с конструкцией *биће/ће бити* (да) + перфект/презенс нужно рассматривать в качестве презумптивных, свидетельствуют примеры, которые приводит в своей грамматике М. Стевановић,¹² причем дважды – когда пишет о модальном употреблении перфекта (Стевановић 1974: 630–631), а также в разделе о модальных экстензиях футурума (Стевановић 1974: 677). Хотя примеры, приводимые в обоих случаях, уже можно интерпретировать как бипропозитивные конструкции с ассумптивной и асертивной частью, ср.:

Јамачно **ће** и ово презиме **бити постало** од надимка (Стевановић 1974: 630).

‘Должно быть, эта фамилия произошла от прозвища.’

Отуда **ће бити дошло** у Мађарску (там же).

‘Оттуда, должно быть, она попала в Венгрию.’

У шали за пијана човека реку: **биће нио** из лијеве руке (там же).

‘В шутку о пьяном человеке говорят: должно быть, пьет из левой руки.’

По својој прилици **биће** је г. Светић **узео** из псалтира (там же).

‘Должно быть, г. Светич взял его из псалтыри.’

Томе **ће бити** узрок што наши људе мисле (Стевановић 1974: 677/Вук)

‘Наверно, причина в том, что наши люди мыслят.’

Прије **ће бити** истина да је Балишић узео нешто од балканских земаља (Стевановић 1974: 677/Даничић).

‘Скорее всего [букв. будет правдой], Балшич завоевал некоторую часть балканских стран’.

Приведенные примеры с нестяжной формой *ће бити* в понимании современного носителя языка немного устаревшие, но их можно с легкостью переобразовать в конструкции типа *биће* (да) + перфект/презенс: **Биће да је** ово презиме **постало** од надимка; **Биће да је** отуда **дошло** у Мађарску итд. (Trbojević-Milošević 2004: 133).

Интересным является также факт, что в одном и том же примере могут сочетаться показатели инференциальности и презумптивности:

Јамачно **ће** и ово презиме **бити постало** од надимка (Стевановић 1974: 630).

‘Несомненно, что эта фамилия, должно быть, производна от прозвища.’

Конструкција *ће бити постало* в приведенном примере является аналитической глагольной формой презумптивной семантики, по-видимому, преобразованной в более современном варианте в форму *биће* (да) *је постало*, через стадию *биће постало*: *хоће бити постало* > *ће бити постало* > *биће постало* > *биће* (да) *је постало*.

¹² Некоторые из них со ссылкой на грамматику Маретича.

В грамматике хорватского языка (Barić at al. 2005) находим описание подобной конструкции в разделе об относительном результативном будущем, с помощью которого выражается неуверенность говорящего о некотором событии в прошлом¹³ (Barić at al. 2005: 416):

Ali je Vlaho već počeo gledati na onu stranu gdje je bio Kono i Pavlina kuća, a pokojne Pavle neće se biti sjetio (Barić at al. 2005: 416/D. Šimunnović)

В данной конструкции употреблено отрицание в ассумптивной части высказывания, однако в интерпретации современного носителя сербского языка в таком контексте отрицание должно быть расположено в ассертивной части конструкции (*биће није се сетио/биће да се није сетио*), так как в ней не отмечается прагматическое значение девалоризации предыдущего высказывания (Рахилина и др. 2021). Как было раньше отмечено, отрицание в ассумптивной части также возможно в подобных конструкциях современного сербского языка, что опровергает предположение о форме *биће* как о модальной частице (Пенькова 2019: 17), так как частицы отрицанию не подлежат, ср.:

Heće бити да су грозне корпорације баш за све криве! (Дневник РС, 15.12.2019)

‘По-видимому, нельзя винить во всем одни ужасные корпорации.’

‘*Не по-видимому, одни ужасные корпорации виновны во всем.’

1.4 Реинтерпретация гипотетического будущего

Если задаться вопросом, каким образом образовалось рассматриваемая презумптивная конструкция в сербском языке, то можно высказать несколько разных предположений. Первое принадлежит сербским грамматистам, усматривающим в данной конструкции сочетание временных форм, одна из которых является модальной. Причем модальность усматривают как в форме относительного усеченного перфекта (Стевановић 1974: 630–631), так и в форме футурума I глагола *бити* (Стевановић 1974: 677; Trbojević-Milošević 2004: 142–143; Пипер, Клајн 2013: 404).

Я. Пенькова усматривает в конструкции *биће (да) + презенс/перфект* реинтерпретацию предбудущего в направлении презумптива. Исследовательница делает такой вывод исходя из данных типологической анкеты, на материале которой строит свой семантический анализ, а также нескольких примеров из 18–19 веков. Согласно этому исследованию, анкетированные оценивали данную конструкцию как устаревшую (Пенькова 2019: 17), что вызывает сомнение, так как частые примеры употребления данной конструкции в современной сербской прессе, а также в разговорном языке, опровергают данный вывод.

С тезисом об использовании предбудущего в функции выражения предположения соглашаются все сербские грамматисты, но только, когда речь идет о модальном характере футурума II, который используется для обозначения предположенной ситуации, независимо от мнимого времени ее осуществления, чаще

¹³ „relativna gotova budućnost kojom se iskazuje nesigurna tvrdnja o nekom prošlom događaju“ (Barić at al. 2005: 416).

всего в условных конструкциях.¹⁴ М. Стеванович, однако, не соглашается с названием предбудущее для данной формы, так как она может указывать на ситуации, не только предшествующие главной ситуации, но и следующие за ней или одновременные с ней. При этом, как уже было указано, главная ситуация не обязательно должна принадлежать плану будущего, а может быть также прошлой (Стевановић 1974: 678–700). Примеры, хотя и достаточно редкие в современном сербском языке, использования футурума II с целью указания на ситуацию в прошлом, а также возможность употребления данной формы при выражении предположения о ситуации в прошлом, чаще всего в вопросительных конструкциях с эксплетивным отрицанием (см. приведенные далее примеры), дополнительно убеждают, что формы футурума II действительно могут выражать предположение о ситуации в прошлом, напр.:

Сад ћемо читати – каже. Ако лугар не буде остругао: FUT II. PFV. (Танасић 2005 450/ К. Милошевић 1970)

‘Сейчас будем читать, – говорит. Если лесник, случайно, не соскоблил.’

Да не буде куда утекао: FUT II. PFV с оним новцем? (Стевановић 1974: 693)

‘Он, случайно, не удрал куда-то с этими деньгами?’

Да не будеш то заборавио: FUT II. PFV код куће? (там же)

‘Ты, случайно, не забыл это дома?’

Как отмечают исследователи, вопросительные конструкции с предположительным футурумом II в современном сербском языке редкость, вместо него обычно употребляется перфект (Стевановић 1974: 693; Танасић 2005: 251), однако ни у кого не возникает сомнение, что у футурума II, вследствие того, что он выражает предположенные ситуации, развилась функция выражения эпистемической дистанции мыслящего субъекта относительно сообщаемого.

Вопрос, однако, обстоит иначе: возможен ли такой путь реинтерпретации предбудущего (футурума II), в результате которой с целью высказывания предположения о ситуации в прошлом начали употреблять футурум I? Изменяемая личная глагольная форма с футурумом I столь же архаична как и форма с футурумом II. Ее употребление типично для более ранних этапов развития сербского языка – в грамматиках начала 20 века существует замечание о ее презумптивном употреблении (Maretić 1906), тогда как в грамматиках начала 21 века (Танасић 2005; Пипер, Клајн 2013) примеры с личной формой данной конструкции уже отсутствуют. Им на смену приходят примеры с безличной формой *ће бити/биће*.

Путь реинтерпретации футурума I в презумптивную конструкцию, который нам кажется логичным, лежит в усмотрении презумптивной семантики конструкции *биће/хоће бити (да) + перфект/презент* в модальном характере самого глагола *хтети*, который в славянских языках, в сочетании с инфинитивом,

¹⁴ «В общем, футурум II не только обозначает действие, предшествующее будущему, но, намного реже, конечно, в зависимости от языковой ситуации, в которой употребляется, может обозначать и действие в прошлом, которое и в этом случае является гипотетическим. Впрочем, это отметили все грамматисты сербскохорватского языка» (Стевановић 1974: 691).

использовался для обозначения будущей ситуации, однако приобретал также с инфинитивом глагола *быти* значение предположительности.

А. А. Потебня рассматривает подобные конструкции в старославянском и древнерусском языках, настаивая на предположительном характере конструкции *хощь, хочю + быти*, которая, по мнению ученого, подобна украинскому модальному наречию *мабуть* ‘должно быть, вероятно’, образованному от устойчивой конструкции с модальным глаголом *имать*: *имать быти* > *мабуть*:

«В ст.-слав. и древ.-рус. *хощь, хочю* с неопр. действительно имеет значения, отличные от значения этого глагола, взятого отдельно, но стоит лишь на той степени формальности, на которой укр. *маю* с неопр.: а) как противень украинскому *мабуть* и вышеприведенному ‘имать быти’ (должно быть, есть ...), Лавр.80, не имеющим значения будущего, может быть поставлена речь греч. бояр о Святославе: ‘лють се мужь *хоче быти*, яко имѣнья не брежеть, а оружье ѿемлетъ’ Лавр., 30, т.е. не ‘он будет жесток’, как понял Буслаев (§1856 пр. 2), а ‘должно быть (стало быть), он лют, когда...’» (Потебня 1958: 359).

Данная конструкция рассматривалась в качестве составной глагольной формы в грамматических описаниях сербского языка начала XX века. Этому способствовал тот факт, что форма глагола *бити* в ее составе изменялась по лицам. В частности, в грамматике Т. Маретича (1906) конструкция с глаголом *бити* и партиципом перфекта II (л-формы) описана как особая аналитическая глагольная форма (*бит ћу хвалио, бит ћеш хвалио* и пр.), которая употребляется для выражения предположения о гипотетических ситуациях в прошлом, ‘событиях, о которых считают, что они произошли, а может быть и не произошли’, напр.:

Ти имадеши брата јединога, он је теби на војсци царевој, страх је мене, бит ће погинуо (Maretić 1906: 207).

‘У тебя есть брат единственный, он сейчас в войсках царских, страшно мне, боюсь [букв. будет], погиб.’

Такое употребление, по мнению Т. Маретича, соответствует употреблению обычного футурума (напр. *хвалит ћу*) для выражения предположения о событиях в настоящем. В доказательство Маретич приводит примеры с футурумом вспомогательного глагола в составе именного сказуемого:

Доста ће стара бити ова пословица (Maretić 1906: 206).

‘Эта пословица, должно быть [букв. будет], очень старая.’

В приведенных Маретичем примерах анализируемая глагольная форма, выражая предположение о состоянии дел в прошлом, может одновременно указывать на одновременность с предполагаемой повторяемой ситуацией в прошлом:

Ако си често онуда пролазила, бит ћеш опазила онај сухи храст (Maretić 1906: 207).

‘Если ты часто проходила туда, то, должно быть [букв. будешь], заметила этот сухой дуб.’

М. Стеванович в своей грамматике (1974) тоже указывает на таксисный харак-

тер данной формы, которую, однако, оценивает как конструкцию с относительным перфектом для обозначения будущего (релятивни перфекат за будућност):

Kad se поново видимо, ја ћу бити положио све испите (Стевановић 1974: 632).

‘Когда мы поново встретимся, я, должно быть, сдам все экзамены.’

Подобный пример находим и в подробном описании стиля сербского писателя конца 19 – начала 20 века Лазы Лазаревича, причем пример взят из его личной переписки:

Kad ово писмо будеш читала, ја ћу по свој прилици бити отишао из Ниша (Станојчић : 39/Лазаревић).

‘Когда ты будешь читать это письмо, я, должно быть, уже уеду из Ниша.’

Анализируя данный пример, Ж. Станойчич, ссылаясь на М. Стевановича, рассматривает его в качестве конструкции с усеченным перфектом и отмечает, что данная форма типична для сербского литературного языка XIX века (Станойчић 1980: 39).

В приведенных примерах Маретича, Стевановича и Станойчича анализируемая конструкция употреблена в главной части таксисной конструкции одновременности в прошлом или предшествования в будущем, причем в примере Станойчича – в сочетании с футурумом II в зависимой части, который указывает на следование выраженной данной формой ситуации после главной. Тот факт, что анализируемая форма употребляется только в главной части таксисной конструкции, дополнительно подвергает сомнению предположение о возможности ее контаминации формой футурума II, который употребляется преимущественно в зависимой части сложного предложения. При употреблении презумптивного будущего (условимся называть анализируемую форму таким образом) отмечаем также ее результативную семантику. Примеры подтверждают высказанное раньше предположение о постепенном преобразовании формы презумптивного будущего, образованного с помощью энклитической личной формы вспомогательного глагола *хтети*, в презумптивную конструкцию с безличной формой футурума *биће/ће бити (да)* + перфект/презент.

Факультативное употребление частицы *да* в составе данной конструкции можно объяснить, с одной стороны, возрастающей тенденцией к употреблению аналитических форм в составе футурума I, происходящее не без влияния балканских языков (напр.: ненормативное *ћу да радим* вместо *ћу радити*), а, с другой, модальностью самой частицы, эпистемический характер которой отмечаем в вопросительных конструкциях с футурумом II (см. ранее приведенные примеры типа *Да не буде куда утекао с оним новцем?* и под.). Употребление данной частицы в конструкциях с презумптивным (апрехенсивным) значением отмечено и в аналогичных конструкциях болгарского языка.¹⁵ Наличие частицы *да* дополнительно способствует ре-

¹⁵ На широкий эпистемический спектр болгарской апрехенсивной конструкции *да не би* и ее сходство в данном плане с соответствующими сербскими конструкциями обратила внимание Я. Пенькова (Пенькова 2019: 18), ссылаясь на исследование Е. Ивановой (2016), которая отмечает, что «частица *да не би* в качестве самостоятельного высказывания может использоваться только в вопросительных по форме предложениях» (т.е. аналогично апрехенсив-

интерпретации формы будущего презумптивного в направлении бипредикативной конструкции.

Выводы.

Презумптивная конструкция *биће/ће бити (да)* + перфект/презенс в современном сербском языке являет собой бипредикативную конструкцию, образованную в результате синтаксической реинтерпретации презумптивного будущего со вспомогательным глаголом *хтети* (+ *бити*). Подобная гипотетическая глагольная форма встречается в старославянском и древнерусском языках (см. пример, приведенный А. А. Потебней (1958: 359): *лють се мужъ хоче быти*). Согласно грамматическим описаниям сербского языка начала и середины XX века, форма с изменяемой по лицам энклитикой вспомогательного глагола *хтети* была распространена на более раннем этапе развития сербского (хорватского) языка (*ћу бити положио, ћеш бити опазила ...*), а во второй половине XX века уже воспринималась в качестве грамматического архаизма. Грамматикализация модального *хтети*, с одной стороны, развивалась в направлении образования формы будущего времени (*хоћу/хоћеш... бити* > *ћу/ћеш... бити* > *бићу, бићеш...*), что привело к утере модального значения, а, с другой стороны, по всей вероятности, к преобразованию волитивной модальности в презумптивную в таксисных конструкциях. Безличная форма *биће* в современном сербском языке сохраняет презумптивную семантику аналитического *хоће бити* и в сочетании с формой перфекта (усеченного либо полного) либо презенса выражает значение предположительности относительно ситуации, обозначенной полнозначным глаголом или именной частью сказуемого. Примечательно, что *биће* сочетается с теми глагольными формами, которые, согласно замечаниям всех сербских грамматистов, не передают значение засвидетельствованности,¹⁶ чем можно объяснить факт отсутствия сочетания *биће* с аористом и имперфектом, тогда как сочетания с плюсквамперфектом теоретически возможны: *Биће да сам био заборавио/Биће да је био заборављен*, хотя в исследуемом корпусе не зарегистрированы. По той же причине сочетание аналогичной формы *ще (да)* с аористом и имперфектом в болгарском языке оспаривается лингвистами.

В дальнейшем анализируемая конструкция может пройти путь реинтерпретации в направлении полной десемантизации глагольной формы *биће* и, подобно украинскому *мабуť* (от *маю быти*), перейти в разряд модальных частиц. О завершении такого перехода будет свидетельствовать расположение формы *биће* не только перед, но и после полнозначной глагольной формы или именной части сказуемого, а также отсутствие функтора отрицания перед ассумптивной частью конструкции. На данном этапе *биће* преимущественно употребляется в препозиции, хотя возможны и примеры типа *Закаснили смо,*

ному употреблению предбудущего в сербохорватском), а «апрехенсивное значение в невопросительных высказываниях в болгарском языке чаще всего берет на себя отрицательная *да*-конструкция».

¹⁶ Имперфект, аорист и усеченный перфект в сербском языке могут передавать значение засвидетельствованности, наблюдаемости или конформативности (см. об этом подробнее в: Попович 2015).

биће, што можно считати симптомом длящегося перехода формы *биће* в презумптивную частицу.

Источники

Антологија српске књижевности. Учитељски факултет у Београду:

<http://www.antologijasrpskeknjizevnosti.rs/ASK_SR_AzbucnikDela.aspx> 15.06.2022.

Велмар Јанковић, Светлана, *Дорћол*.

Нушић, Бранислав. *Госпођа министарка*

Нушић, Бранислав. *Ожалошћена породица*.

Нушић, Бранислав. *Сумњиво лице*.

Секулић, Исидора. *Кроника паланачког гробља*.

Ранковић, Светолик. *Сеоска учитељица*.

Тодоровић, Пера. *Дневник једног добровољца*.

Novaković, Marina. *Strah i njegov sluga*. Beograd: Laguna, 1999.

Urlik, Ivan. *Nedovršena autobiografska trilogija*. <<https://books.google.de/>> 15.06.2022.

Научная периодика:

Ђурић, Иван. „Поменик светогорскг Протата с краја XIV века.“ *Зборник радова Византолошког института* 19–20: 158.

Ивић, Павле. *Српски народ и његов језик*. Паралелни српско-руски корпус (у припреми).

Шаренац, Јаков. „Обичаји о рођењу и женидби у Источној Херцеговини.“ *Гласник Етнографског музеја у Београду* 49, 1985: 138.

Електронные средства массовой информации:

Дневник РС. <<https://www.dnevnik.rs>> drustvo > iza-izloga-nece-biti> 15.06.2022.

Analitika. <<https://www.portalanalitika.me>>Politika>. 15.06.2022.

N1.<<https://rs.n1info.com/sport-klub/fudbal/a44334-mesi-nece-biti-da-sam-bio-katastrofa-a-da-sam-sada-super/>> 15.06.2022.

pink.rs.<<https://pink.rs/politika/403637/ministar-vulin-odgovorio-kurtu-volkeru-bice-da-su-opasniji-prijatelji-koji-su-nas-bombardovali>> 15.06.2022.

RTS. <<http://www.rts.rs>> story > pre-ce-biti-da-je-jogi-a-ne-jeti> 15.06.2022.

Vreme.<<https://www.vreme.com/kolumna/koridor-do-evrope-nece-biti-da-su-sve-klade-na-putu-ka-evropskim-integracijama-postavili-tomislav-nikolic-i-voislav-kostunica>> 15.06.2022.

Использованная литература

Алексова, Красимира. „Парадигмата на презумптива в съвременния български език (върху материали от интернет).“ *Zeszyty Cyrylo-Metodiańskie* 7, 2018: 8–24.

[Aleksova, Krasimira. „Paradigmata na prezumptiva v savremenniya balgarski ezik (varhu materiali ot internet).“ *Zeszyty Cyrylo-Metodiańskie* 7, 2018: 8–24]

Герджиков, Георги. Преизказването на глаголното действие в българския език. София: Наука и изкуство, 1984.

[Gerdzhikov, Georgi. Preizkazvaneto na glagolното deystvie v balgarskiya ezik. Sofiya: Nauka i

- izkustvo, 1984]
- Иванова, Елена Ю. Болгарская частица *da ne bi* как маркер апрехенсива (на материале Болгарского национального корпуса и параллельного русско-болгарского корпуса). «Корпусные подходы к балканским языкам и диалектам». СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2016.
- [Ivanova, Elena Ju. Bolgarskaja častica *da ne bi* kak marker aprehensiva (na materiale Bolgarskogo nacional'nogo korpusa i paralel'nogo rusko-bolgarskogo korpusa). «Korpusnye podhody k balkanskim jazykam i dialektam». SPb.: Institut lingvističeskix issledovanij RAN, 2016]
- Иванова, Елена Ю., Красимира Алексова. „Презумптивные формы в русско-болгарском параллельном корпусе.” [В:] Русистика в современном мире: Двенадцатый международный симпозиум, 2018. <https://www.researchgate.net/publication/332544939_Prezumptivnye_formy_v_rusko-bolgarskom_parallelnom_korpuse> 10.06.2022.
- [Ivanova, Elena Ju., Krasimira Aleksova. „Prezumptivnye formy v rusko-bolgarskom paralel'nom korpuse.” [V:] Rusistika v sovremennom mire: Dvenadcatyj meždunarodnyj simpozium, 2018 <https://www.researchgate.net/publication/332544939_Prezumptivnye_formy_v_rusko-bolgarskom_parallelnom_korpuse> 10.06.2022.]
- Ковачевић, Милош. Огледи из српске синтаксе. Београд: Чигоја штампа, 2009. [Библиотека Књижевност и језик. Књига 31].
- [Kovačević, Miloš. Ogledi iz srpske sintakse. Beograd: Čigoja štampa, 2009. [Biblioteka Književnost i jezik. Knjiga 31]].
- Куцаров, Иван. Едно екзотично наклонение на българския глагол. София: УИ Св. Климент Охридски, 1994.
- [Kutsarov, Ivan. Edno ekzotichno naklonenie na balgarskiya glagol. Sofiya: UI Sv. Kliment Ohridski, 1994]
- Куцаров, Иван. Теоретична граматика на българския език. Морфология. Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски”, 2007.
- [Kutsarov, Ivan. Teoretichna gramatika na balgarskiya ezik. Morfologiya. Plovdiv: UI „Paisiy Hilendarski“, 2007]
- Лухт, Л. И. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Румынский язык. Москва, 1970.
- [Luht, L. I. Sravnitel'no-sopostavitel'naja grammatika romanskih jazykov. Rumynskij jazyk. Moskva, 1970]
- Маровска, Вера. Референция и рефериране в света на езика. Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2013.
- [Marovska, Vera. Referentsiya i referirane v sveta na ezika. Plovdiv: UI „Paisiy Hilendarski“, 2013]
- Мельчук, Игорь А. Курс общей морфологии. Том II. Часть вторая. Морфологические значения. Перевод с франц. В.А.Плунгяна. Москва – Вена: Языки русской культуры, Wiener Slavistischer Almanach, Sonderband 38/2, 1998.
- [Mel'čuk, Igor' A. Kurs obščej morfologii. Tom II. Čast' vtoraja. Morfologičeskie značeniya. Perevod s franc. V.A.Plungjana. Moskva – Vena: Jazyki russkoj kul'tury, Wiener Slavistischer Almanach, Sonderband 38/2, 1998]
- Ницолова, Руселина. Българска граматика. Морфология. София: УИ Св. Климент Охридски, 2008.
- [Nitsolova, Ruselina. Balgarska gramatika. Morfologiya. Sofiya: UI Sv. Kliment Ohridski, 2008]
- Ницолова, Руселина. «О факторах, препятствующих грамматикализации». Славистика XXII/1, 2018: 100–111.
- [Nicolova, Ruselina. «O faktorax, prepjatsstvujuščix grammatikalizacii.» Slavistika XXII/1, 2018:

- 100–111.]
- Пенькова, Яна А. Модально-эвиденциальные стратегии предбудущего в языках Европы: анкетирование и корпусные данные. Вопросы языкознания 6, 2019: 7–31.
- [Peň'kova, Jana A. Modal'no-èvidencial'nye strategii predbuduščego v jazykax Evropy: anketirovanie i korpusnye dannye. Voprosy jazykoznanija 6, 2019: 7–31.]
- Пипер, Предраг. „Синонимije и конверзије с глаголом *морати*“. Научни састанак слависта у Вукове дане 12/1, 1983: 167–172.
- [Piper, Predrag. „Sinonimije i konverzije s glagolom *morati*“. Naučni sastanak slavista u Vukove dane 12/1, 1983: 167–172]
- Пипер, Предраг. „О оптативности у српском језику“. Глас САНУ: Одељење језика и књижевности 408/23, 2007: 73–107.
- [Piper, Predrag. „O optativnosti u srpskom jeziku“. Glas SANU: Odeljenje jezika i književnosti 408/23, 2007: 73–107]
- Пипер, Предраг, Ивана Антонић, Владислава Ружић, Срето Танасић, Људмила Поповић, Бранко Тошовић. Синтакса савременога српског језика : проста реченица. Милка Ивић (ред.). Београд: Институт за српски језик САНУ, Београдска књига; Нови Сад: Матица српска, 2005.
- [Piper, Predrag, Ivana Antonić, Vladislava Ružić, Sreto Tanasić, Ljudmila Popović, Branko Tošović. Sintaksa savremenoga srpskog jezika: prosta rečenica. Milka Ivić (red.). Beograd: Institut za srpski jezik SANU, Beogradska knjiga; Novi Sad: Matica srpska, 2005]
- Пипер, Предраг, Иван Клајн. Нормативна граматика српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2013.
- [Piper, Predrag, Ivan Klajn. Normativna gramatika srpskog jezika. Novi Sad: Matica srpska, 2013.]
- Плунгян, Владимир А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. Москва: РГГУ, 2011.
- [Plungjan, Vladimir A. Vvedenie v grammatičeskiju semantiku: grammatičeskie značenija i grammatičeskie sistemy jazykov mira. Moskva: RGGU, 2011]
- Поповић, Људмила. „Имперцептивност у епистоларном дискурсу украјинског и српског језика“. [У:] Р. Шевић, М. Тир (ур.) Зборник радова 5. симпозијума „Контрастивна језичка истраживања“, Нови Сад: Универзитет у Новом Саду, Филозофски факултет, Друштво за примењену лингвистику Војводине, 1996, 213–219.
- [Popović, Ljudmila. „Imperceptivnost u epistolarnom diskursu ukrajinskog i srpskog jezika“. [U:] R. Šević, M. Tir (ur.) Zbornik radova 5. simpozijuma „Kontrastivna jezička istraživanja“, Novi Sad: Univerzitet u Novom Sadu, Filozofski fakultet, Društvo za primenjenu lingvistiku Vojvodine, 1996, 213–219]
- Поповић, Људмила. Епистоларни дискурс украјинског и српског језика. Београд: Филолошки факултет, 2000.
- [Popović, Ljudmila. Epistolarni diskurs ukrajinskog i srpskog jezika. Beograd: Filološki fakultet, 2000]
- Поповић, Људмила. „Категорија евиденцијалности у српском и украјинском језику.“ Зборник Матице српске за славистику 77, 2010: 17–47.
- [Popović, Ljudmila. „Kategorija evidencijalnosti u srpskom i ukrajinskom jeziku.“ Zbornik Matice srpske za slavistiku 77, 2010: 17–47]
- Поповић, Људмила. „Валентни таксис и евиденцијалност у словенским језицима.“ [У:] В. Половина, Ј. Вучо (ур.) Савремени токови у лингвистичким истраживањима, Едиција: Филолошка истраживања данас 3. Београд: Филолошки факултет, 2013, 109–126.
- [Popović, Ljudmila. „Valentni taksis i evidencijalnost u slovenskim jezicima.“ [U:] V. Polovina, J. Vučo (ur.) Savremeni tokovi u lingvističkim istraživanjima, Edicija: Filološka istraživanja danas 3. Beograd: Filološki fakultet, 2013, 109–126]
- Поповић, Људмила. Контрастивна граматика украјинског и српског језика: таксис и евиденцијалност. Београд: САНУ, Одељење језика и књижевности, Српски језик у поређењу са другим језицима, Књига 3, 2014.

- [Popović, Ljudmila. Kontrastivna gramatika ukrajinskog i srpskog jezika: taksis i evidencijalnost. Beograd: SANU, Odeljenje jezika i književnosti, Srpski jezik u poređenju sa drugim jezicima, Knjiga 3, 2014]
- Поповић, Людмила. «Лексические и грамматические показатели эвиденциальности в сербском и других славянских языках.» [In:] L. Popović, M. Nomachi (eds.) *The Serbian Language as Viewed by the East and the West: Synchrony, Diachrony and Typology*. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, 2015, 219–250.
- [Popović, Ljudmila. «Leksičeskie i gramatičeskie pokazateli èvidencial'nosti v serbskom i drugix slavjanskix jazykax.» [In:] L. Popović, M. Nomachi (eds.) *The Serbian Language as Viewed by the East and the West: Synchrony, Diachrony and Typology*. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, 2015, 219–250]
- Поповић, Людмила. „Комуникативне формуле у српском језику. Питања типологије и анализе“. Зборник Матице српске за славистику 100, 2021: 105–135.
- [Popović, Ljudmila. „Komunikativne formule u srpskom jeziku. Pitanja tipologije i analize. Zbornik Matice srpske za slavistiku 100, 2021: 105–135]
- Поповић, Людмила. „Проучавање синтаксичких фразеологизама као правац изучавања српског језика.“ [У:] Драгана Мршевић-Радовић (ур.). 51. Међународни састанак слависта у Вукове дане „Српска лингвистика – перспективе дијахроног и синхроног изучавања“. Београд: Филолошки факултет, Међународни славистички центар, Чigoja штампа, 2022 (у штампи).
- [Popović, Ljudmila. „Proučavanje sintaksičkih frazeologizama kao pravac izučavanja srpskog jezika.“ [U:] Dragana Mršević-Radović (ur.). 51. Međunarodni sastanak slavista u Vukove dane „Srpska lingvistika – perspektive dijahronog i sinhronog izučavanja“. Beograd: Filološki fakultet, Međunarodni slavistički centar, Čigoja štampa, 2022 (u štampi)]
- Потебня, Александр А. Из записок по русской грамматике. Том I-II. Москва: АН СССР, отделение литературы и языка, Государственно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1958.
- [Potebnja, Aleksandr A. Iz zapisok po ruskoj grammatike. Tom I-II. Moskva: AN SSSR, otdelenie literatury i jazyka, Gosudarstvenno-pedagogičeskoe izdatel'stvo Ministerstva prosvješćenija RSFSR, 1958]
- Рахилина, Екатерина В., П. А. Бычкова, С. Ю. Жукова. «Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы.» Вопросы языкознания 2, 2021: 7–27.
- [Raxilina, Ekaterina V., P. A. Byčkova, S. Ju. Žukova. «Rečevye akty kak lingvističeskaja kategorija: diskursivnye formuly.» Voprosy jazykoznanija 2, 2021: 7–27]
- Репина, Тамара А. Сравнительная типология романских языков (французский, испанский, итальянский, португальский, румынский). Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996.
- [Repina, Tamara A. Sravnitel'naja tipologija romanskix jazykov (francuzskij, ispanskij, ital'janskij, portugal'skij, rumynskij). Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1996]
- Станојичић, Живојин. Синтакса језика Лазе К. Лазаревића II. Реченички односи. Београд: Институт за српскохрватски језик, 1980 [Библиотека Јужнословенског филолога. Нова серија 5].
- [Stanojčić, Živojin. Sintaksa jezika Laze K. Lazarevića II. Rečenički odnosi. Beograd: Institut za srpskohrvatski jezik, 1980 [Biblioteka Južnoslovenskog filologa. Nova serija 5]].
- Стевановић Михаило. Савремени српскохрватски језик. (Граматицки системи и књижевнojezička норма). II Синтакса. Београд: Народна књига. 1974.
- [Stevanović Mihailo. Savremeni srpskohrvatski jezik. (Gramatički sistemi i književnojezička norma). II Sintaksa. Beograd: Narodna knjiga. 1974]

- Танасић, Срето. „Синтакса глагола”. [У:] П. Пипер, И. Антонић, В. Ружић, С. Танасић, Љ. Поповић, Б. Тошовић. Синтакса савременог српског језика: проста реченица. М. Ивић (ред.). Београд: Институт за српски језик САНУ, Београдска књига; Нови Сад: Матица српска, 2005: 345–477.
- [Tanasić, Sreto. „Sintaksa glagola”. [U:] P. Piper, I. Anđonić, V. Ružić, S. Tanasić, Lj. Popović, B. Tošović. Sintaksa savremenoga srpskog jezika: проста rečenica. M. Ivić (red.). Beograd: Institut za srpski jezik SANU, Beogradska knjiga; Novi Sad: Matica srpska, 2005: 345–477]
- Шишова, А. Д. Дискурсивный анализ функционирования глагольных форм в современном французском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Москва: МГУ, 2014.
- [Šišova, A. D. Diskursivnyj analiz funkcionirovanija glagol'nyx form v sovremenom francuzskom jazyke. Dis. ... kand. filol. nauk. Moskva: MGU, 2014]
- Aikhenvald, Alexandra. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- van der Auwera J., V. Plungian. “Modality’s semantic map.” *Linguistic Typology* 2, 1998: 79–124.
- Avram M. Gramatica pentru toți. București, 1986.
- Barić, Evgenija, M. Lončarić, D. Malić, S. Pavešić, M. Peti, V. Zečević, M. Znika. Zagreb: Školska knjiga, 2005.
- Frawley, William. *Linguistic Semantics*. New York: Routledge, 1992.
- Halliday, Michael “Functional Diversity in Language as Seen from a Consideration of Modality and Mood in English.” *Foundations of Language* 6/3, 1970:322-361.
- Iordan I. Limba română contemporană. București, 1956.*
- Lyons, John. *Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Manea, Dana. „Modurile personale (predicative).“ [In:] *Gramatica limbii române I, Cuvântul*. București, 2005: 358–393.
- Maretić, Tomo. *Hrvatska ili srpska gramatika: za srednje škole*. Izdanje 3. Popravljenno. Zagreb: L. Hartman, 1906.
- Rathay, W. 1979. “Some aspects of modality as seen from a semantic point of view.” *Poznan: Studia Anglica Posnaniensia* X: 105–122.
- Palmer, Frank R. *Modality and the English Modals*. Longman, 1979.
- Palmer, Frank R., *Mood and Modality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Trbojević-Milošević, Ivana. *Modalnost, sud, iskaz. Epistemička modalnost u engleskom i srpskom jeziku*, Beograd: Filološki fakultet, 2004.
- Wiemer, Björn. “Particles, parentheticals, cowunctions and prepositions as evidentiality markers in contemporary Polish (A first exploratory study).” *Studies in Polish Linguistics* 3, 2006: 5–67.

Људмила Поповић

О ПРЕЗУМПТИВНИМ КОНСТРУКЦИЈАМА У САВРЕМЕНОМ СРПСКОМ ЈЕЗИКУ (анализа синтаксичке реинтерпретације)

У раду се износи претпоставка о активном функционисању у савременом српском језику презумптивних конструкција, под којима се подразумева посебна врста исказа са глаголом *бити* у облику 3 л. једн. футура I и факултативним везником *да*, као и глаголским обликом перфекта или презента пунозначног или помоћног глагола (*биће/ће бити (да) + перфект/презент*), напр.: *биће да сам погрешио*; *биће да сте промашили број*; *биће да смо закаснили*; *биће да су га тражили на погрешином месту*; *биће да њега интересује само територија*; *биће да је од алкохола*; *биће да сте уморни* и сл. У граматицима са почетка 20. века (Maretić 1906) наводи се аналитички лични глаголски облик (*ћу бити отишао*, *ћеш бити отишао*...), који семантички и функционално одговара разматраној конструкцији. Овај релативно сложени глаголски облик, слично футуру II, претежно се користио са таксисном функцијом или за означавање претпостављених ситуација у прошлости или садашњости. Искази са безличним обликом футура I глагола *бити* (*биће*) настали су као резултат синтаксичке реинтерпретације поменутог аналитичког личног глаголског облика. Временом анализирани конструкције постају бипропозитивне, будући да се облику будућег времена глагола *бити* приписује асумптивна семантика, а другом делу конструкције (*л-партиципу*) – асертивна. Услед синтаксичке реинтерпретације аналитичког глаголског облика са безличним обликом *биће* у правцу конструкције, постаје могуће користити у њеном саставу не само *л-партицип* (крњи перфект), већ и презент пунозначног или помоћног глагола (*Биће (да) заборављам ствари*), као и употребљавати именски предикат без копуле (*Ко је то? – Биће (да је) мајка*). Како показује корпус, конструкције са елидираним везником *да* и *л-партиципом* (*биће је узео*) мање су типичне за савремену српску језик. Пунозначни глагол у оваквим конструкцијама може бити и у безличном облику (*Биће да ми се спавало*), у њима је могућа негација – како у асумптивном делу конструкције (*Неће бити да смо погрешили*) тако и у асертивном (*Биће да нисмо погрешили*). Ређе су заступљене упитне конструкције: *Биће тако, а?* Примери из српског језика разматрају се у поређењу са другим словенским и неким несловенским језицима, те је направљен закључак о сличности механизма реинтерпретације српске конструкције *биће/ће бити (да) + перфект/презент* и бугарске конструкције *ще (да) + перфект/презент/плусквамперфект*. Показано је да је ова конструкција, иако често помињана у истраживањима српских граматичара, још увек није била предмет посебних описа у србистици у контексту типолошких истраживања презумптивне евиденцијалности.

Кључне речи: презумптив, српски језик, синтаксичка реинтерпретација.